

J. A. Fishman, V. C. Nahirni, J. E. Hofman, R. G. Hayden e. a. *Language loyalty in the United States. The maintenance and perpetuation of non-English mother tongues by American ethnic and religious groups.* London — the Hague — Paris, 1966, 478 p.

Самые плодотворные направления современной науки развиваются на стыке отдельных научных дисциплин. Эта мысль стала уже общезвестной и даже, пожалуй, общепринятой. В пограничных областях возникают комплексы наук и комплексные научные исследования. Примеры этого множатся, один из них — книга Дж. Фишмана и других «Верность родным языкам в Соединенных Штатах». Ее можно назвать трудом в области социолингвистики, можно было бы отнести ее и к области этносоциологии, пожалуй, и к этнической психологии. Тема книги, как она сформулирована в подзаголовке, — «сохранение и поддержание неанглийских родных языков американскими этническими и религиозными группами». Содержание ее много шире. Оно охватывает этнические процессы в США — и не только потому, что языковый вопрос — важнейшая часть этой области, но и потому, что в рецензируемой книге господствует широкий подход к изучаемым явлениям.

Книга основана на социологических обследованиях, которые были в 1962 г. изложены в 4-томном mimeографированном издании. Рецензируемый том — конденсат этого труда, отдельные результаты которого изложены в ряде журнальных статей¹. Исследовательская база его — главным образом анкетный опрос целого ряда национальных организаций и групп и материалы переписей всего американского населения. Авторы произвели перекрестный анализ и сложные подсчеты полученных данных и на основании этого составили многочисленные таблицы и графики, помещенные в книге. Однако теоретические обобщения, которым в этом томе уделено много места, выходят за пределы этих данных и зачастую исходят не только из них. Широта и серьезность этих обобщений делают их значимыми для языков и этнических процессов всей земли.

Отдельные главы книги принадлежат разным авторам, большая часть написана Дж. Фишманом — одним или в соавторстве. Во введении формулируется задача всего труда — изучить «культурно-языковое самосохранение» американских иммигрантов, которому уделялось значительно меньше внимания, чем изучению их американизации в США. При этом Дж. Фишман указывает, что авторы разных глав не имели «единой теоретической модели». Написанная им же 1-я глава — об исторических и социальных связях предпринятого исследования — также имеет лишь вводный характер, но в ней намечен и ряд общих идей, развитых затем в книге. В этой главе излагается предложенная крупным американским скандинавистом Э. Хаугеном классификация языков США по трем группам: 1) языки коренного населения — индейские, 2) колониальные языки, 3) иммигрантские языки. Из колониальных языков английский укоренился в качестве общенационального. Три языка из той же категории — русский, шведский и голландский — не сохранились и вновь появились в США уже как иммигрантские, указывает автор. Можно, однако, отметить, что среди коренного населения Алески сохранились, по данным специалистов, весьма заметные следы русского языка. Массовую иммиграцию в США Дж. Фишман датирует только с 80-х годов XIX в., игнорируя иммиграцию середины прошлого столетия.

Во 2-й главе подробно рассматривается отношение разных иммигрантских поколений к родному языку. Демографический анализ дается главным образом по материалам переписей, причем указывается на необходимость критического к ним отношения, например учета социальной мобильности опрошиваемых (речь идет главным образом о втором иммигрантском поколении) и престижа данного языка как в соответствующей иммигрантской группе, так и во всем американском обществе. Так, от 1910 до 1920 г. число иммигрантских детей, объявивших своим родным языком русский, выросло почти вдесятеро. Авторы главы справедливо объясняют это восторженным отношением к русской революции.

Интересны приводимые в этой главе новейшие данные: в 1960 г. почти 11% жителей США объявили родным какой-нибудь неанглийский язык. Наиболее распространенными из таких языков оказались итальянский, испанский, немецкий, польский, французский и идиш.

В следующих двух главах разбираются данные о прессе национальных меньшинств и о радиопередачах на языках, иных, чем английский. Количество газет на таких языках резко сократилось за последние десятилетия, причем все больше газет, сохранившихся у этнических групп, перешло, частично или полностью, на английский язык. С 30-х годов в быт входят иноязычные радиопередачи, которые среди наименее грамотных и наиболее бедных групп намного популярнее газет. Так, на юго-западе страны действуют радиостанции, вещающие на испанском языке, относительно много часов выделяют для радиопередач на испанском языке и общие станции. Но с 50-х годов те-

¹ Напр., V. C. Nahirni and J. A. Fishman, *American immigrant groups; ethnic identification and the problem of generations*, «The Sociological Review», Keele, Staffordshire, Nov. 1965, pp. 311—326.

левиение вытесняет в США радиовещание и, соответственно, его иноязычные передачи.

Глава 5-я посвящена национальным школам у разных этнических групп. Положение и роль иммигрантских языков рассматриваются по разным видам этих школ — дневным, вечерним, воскресным, в зависимости от состава учащихся и учителей и т. д. Очевидно, что и здесь положение иммигрантских языков постепенно слабеет. Сама национальная школа, по мнению авторов, является орудием разложения иммигрантских групп. Прежде всего потому, что для большинства иммигрантов рубежа XIX и XX вв. школа явилась американским нововведением — в Европе они ее не знали. Следует отметить, что значительная часть таких школ находится под влиянием церкви.

В 6-й главе та же языковая динамика разбирается по национальным церковным приходам разных вероисповеданий. Господствующим языком богослужения повсюду становится английский. Больше всего это относится к католическим приходам, меньше — к православным, униатским, где служба ведется на языке, более или менее близком к языку прихожан, а также к лютеранским и вообще протестантским религиозным организациям, которые с самого своего возникновения в Европе имели национальный характер.

Далее в специальной главе анализируется роль иммигрантских организаций и их лидеров в судьбе иммигрантских языков. Еще в большей степени, чем школа, эти организации — явление, сформированное по американским образцам, в Европе свойственное только городской культуре. Первоначально характерные для них функции сохранения национальной культуры в дальнейшем вытесняются деятельностью, преследующей самосохранение и саморазвитие организации, что, по мысли авторов, характерно для всяких организационных структур. И лидеры их, вербующиеся ныне из иммигрантских детей, становятся уже не культурными, а лишь организационными деятелями своих групп.

В 8-й главе делается попытка наметить типологию иммигрантских популяций в языковом отношении. Материал для нее был подобран путем бесед в пяти иммигрантских группах: двух испаноязычных, двух украинских и одной франко-канадской. Интересно, что на вопрос о желательности сохранения соответствующих этнических групп наименьшее число положительных ответов было получено в обеих испаноязычных группах — у жителей тexasского города Сан-Антонио и у нью-йоркских пуэрториканцев. Автор главы объясняет это тем, что обособленное существование этнической группы связывалось у опрашиваемых с сегрегацией.

Следующие четыре главы уделены сравнительному изучению четырех национальных групп США — немецкой, франко-канадской, мексиканской и украинской. Глава о франко-канадцах — самая слабая во всей книге. Она поверхностна и изобилует общими местами. Автор статьи о немцах находит, что они культивировали свой язык более ревностно, чем, например, итальянцы, и объясняет это тем, что в свое время немцы были в США единственной крупной иммигрантской иноязычной группой. Теперь же из детей немецкого происхождения не более 50 тыс. пользуется немецким языком как родным. «Таким образом, немецкий язык, по-видимому, обречен на угасание» (стр. 248). Первые его носители прибыли еще в колониальную Америку, массовая же иммиграция немцев происходила в средние десятилетия XIX в. Можно предположить, что путь этой группы в самых общих чертах проходит и другими группами. Что касается франко-канадцев, например, то их дети поступают в церковноприходские франкоязычные школы, не говоря, а подчас и не понимая по-французски.

13-я глава, написанная видным социологом Н. Глейзером, представляет собой обзор всех предыдущих. Там, в частности, дается перечень условий, влияющих на языковую ассимиляцию. По мнению Глейзера, их пять: время прибытия иммигрантов, их расселение, социальная структура иммигрантских групп, их религия и, наконец, «степень идеологической мобилизации группы» на сохранение родного языка (стр. 365). Подобные перечни условий ассимиляции, более подробные и более краткие, даны и другими авторами в других местах книги с существенными вариациями.

В следующей главе Дж. Фишман излагает практическую, рекомендательную часть книги. Здесь он исходит, как заявляет сам, из собственных взглядов и установок, а не из исследовательских данных. И действительно, эта глава, одна из наименее интересных, представляет собой скорее перечень не очень последовательных пожеланий, чем научный анализ. Главное из них — сохранить неанглийские языки США как национальное богатство, как средство подъема культуры и международных связей.

Далее идет большая итоговая теоретическая статья того же автора.

Том завершается двумя приложениями. В первом излагается методика сбора материала и анализируются данные переписей по рубрике «родной язык». Оригинальные материалы были получены посредством рассылки анкет, бесед по определенной программе, полевых наблюдений, анализа изданий, выпускаемых разными национальными организациями и т. д. Полученные ответы кодировались. Во втором приложении Дж. Фишман дает методологический анализ темы, подводит итоги ее изучения в мировой, преимущественно языковедческой, литературе и намечает перспективы исследования.

Каковы же теоретические выводы этого основательного и богатого мыслями труда? Попытаемся выяснить некоторые из них. Хотя практическая цель всего авторского коллектива — способствовать сохранению иммигрантских национальных языков, оценка объективного положения в этой области недвусмысленна. Во всех этнических группах

происходит «англификация», только разными темпами. Несмотря на все различия между этими группами, их языковое развитие определяется воздействием на них американского национализма. Потеря этнического своеобразие и аккультурация — определяющие процессы американской истории. Желаемое не принимается в книге за действительное. Самое большое, на что выражается надежда, это двуязычие.

Однако влечет ли за собой утрата языка — одного из главных компонентов и показателей этнической культуры — утрату, как выражается автор, этничности? Дж. Фишман отвергает тезис о прямой зависимости между солидарностью этнической группы (вплоть до национализма) и сохранением языка группы и опровергает соответствующие положения, выдвигавшиеся в 30-х гг. немецкими авторами гитлеровской ориентации, которые приписывали двуязычию «расовое» и даже личное вырождение (стр. 432). По его мнению, сохранение этнической группы — нечто гораздо более прочное, чем сохранение ее языка. «Вообще, этничность и сохранение культуры представляются явлениями, гораздо более устойчивыми, чем сохранение языка» (стр. 399). Двуязычие начинает развиваться у иммигрантов очень рано, а этническая солидарность и групповые связи действуют даже при полной утрате родного языка. Но при этом язык, которым перестали пользоваться, может быть идеализирован и стать символом группы. Для характеристики подобного состояния Дж. Фишман вводит понятие «маргинальная (иначе говоря, побочная, вторичная) этничность». Такая этничность приспособлена к американской обстановке и, следовательно, должна рассматриваться не только как остаточное явление, но и как новообразование. «В Америке, как и в других странах сегодняшнего мира, — пишет Дж. Фишман, — обстоятельства приводят скорее к модернизации этничности, чем к ее полному вытеснению» (стр. 404—405).

Но что же такое этничность? Дж. Фишман понимает ее как комплекс исконных, традиционных, даже неосознанных черт, связей, чувств, в атмосфере которых жили иммигранты в Европе и которую они пытаются перенести за океан. На родине же они находились на низком уровне общественного развития, были крестьянами патриархальной, замкнутой, неподвижной европейской деревни. Такая односторонняя точка зрения на иммиграцию (неверная и в характеристике европейской деревни) выдвигалась крупным американским иммигрантоведом О. Хэндлином и имеет широкое хождение. Мирощущение (скорее, чем мировоззрение) и строй жизни крестьян этого типа Дж. Фишман и называет этничностью. Но если так понимать этничность, то американская нация окажется лишенной этнических черт. И действительно, Дж. Фишман постоянно противопоставляет иммигрантов «дэтнизированным» американцам, американское общество, да и весь наш век оказываются «супраэтническими», т. е. надэтническими. В согласии с видным буржуазным социологом Гансом Коном², он объявляет американскую нацию скрепленной идеологическим единством и лишенной этнической основы. Эта точка зрения, имеющая долгую историю в американской общественной мысли и связанная с тесной американской исключительности, не может быть признана основательной.

Между тем, если толковать термин «этничность» шире, как комплекс черт, свойственных каждой этнической общности на той или иной стадии ее эволюции и общественного развития вообще, включая в этот комплекс этническое самосознание и этническую солидарность, — то это понятие следует, пожалуй, включить в понятийный аппарат этнографии и социологии. В таком случае можно будет говорить об этничности наций — и давно сложившихся, и еще молодых. К числу последних относится и американская нация.

Один из самых интересных и новых взглядов данного исследования — теория иммигрантских поколений³. Полемизируя с известным в американской литературе взглядом выдающегося иммигрантоведа М. Л. Хансена, по которому дети иммигрантов отрываются от этнических традиций, а внуки к этим традициям возвращаются, Дж. Фишман находит, что «эрозия» этничности происходит в продолжение трех поколений (стр. 343). При этом этничность не просто постепенно теряется — она изменяет свою природу, становится все более «маргинальной». Изменение это также не однородное, а противоречивое, диалектического свойства. Первое поколение, считает Дж. Фишман, живет в атмосфере нетронутой, как будто бы, этничности. Но так как оно в ней живет, то она не может не развиваться, следовательно изменяется. Чрезмерная приверженность первого поколения к этничности оборачивается для многих представителей второго поколения яростным отрицанием ее, которое лишь свидетельствует о том, как глубоко они ее сознают. Американизированное третье поколение характеризуется избирательной и идеологизированной этничностью, а язык дедов, к которому, как и к некоторым другим этническим чертам, оно вновь проявляет интерес, изучается им как иностранный. «Так дэтнизация и реэтнизация следует друг за другом, быть может, циклами снижающейся интенсивности» (стр. 410). Процессы подобного рода происходят и в одном и том же поколении в зависимости от возраста людей. Так, сыновья иммигрантов в детстве владеют «этническим языком» лучше, чем во взрослом состоянии. Противоречива и сама иммигрантская семья: родители передают детям этническую культуру, но дети, общаясь друг с другом и с родителями, вносят в семью элементы ассимиляции.

² Н. Ко hn, American nationalism, New York, 1957, p. 9.

³ Она изложена также в упомянутой выше статье Дж. Фишмана и В. Нагирного в «Sociological Review».

Интересно ставится в томе вопрос о церкви. Хранительница этнических традиций и языка, ревниво оберегавшая свою паству от посторонних влияний на первых порах ее жизни в Америке, церковь в дальнейшем, исходя из собственных же интересов, становится мощным ассимилирующим фактором. Это связано с растущим двуязычием прихжан, особенно с появлением второго поколения, и наиболее ярко выражено в деятельности католической церкви. С ее вселенским характером и англоязычными ирландскими кадрами она стала второй по значению (после государственных школ) ассимилирующей силой в США.

Разработка проблем двуязычия, вообще и в разных жизненных ситуациях, в зависимости от общественной обстановки и социальных связей, которая намечается в томе, представляет немалый интерес и для наших этнографов и лингвистов, которые также занимаются двуязычием, разумеется, в иных условиях.

Из других важных вопросов ассимиляции, поднимаемых в рецензируемой книге, можно также выделить тему о роли города. Дж. Фишман отмечает, что нет лучшего средства для ослабления специфических этнических черт, чем многоязычный крупный американский город. Однако в последней, методологической главе он считает нужным оспорить это, по его же словам, «одно из самых разумных и лучше всего документированных обобщений» (стр. 443—444). Именно в городах, пишет Фишман, развиваются сознательные и организованные движения этнической солидарности, которым, согласно своим склонностям, Дж. Фишман придает большое значение в деле сохранения этнических языков. Городская жизнь действительно способствует переменам, пишет он, но они могут происходить в разных направлениях, и возможен даже возврат к языку предков. Поставленный Фишманом вопрос, при кажущейся простоте, крайне сложен. Решение его зависит и от размера поселения, и от степени концентрации в нем данной этнической группы, и от количества национальностей и т. д. и связано с общей проблемой урбанизации. Он имеет значение не только для иноязычных этнических меньшинств, но, скажем, и для негров.

В этом вопросе, как и во многих других, Дж. Фишман и его соавторы избегают однозначных решений, которые не могут отразить противоречивость жизни и сложность ее постижения. Диалектичность, порою парадоксальность анализа составляет преимущество этой чрезвычайно богатой содержанием книги. Разумеется, оно не могло быть исчерпано в рецензии. И, разумеется, далеко не все в этом труде представляется убедительным, но специалисты целого ряда смежных гуманитарных дисциплин, вооруженные марксистским методом, смогут извлечь много полезного из этой фундаментальной работы.

Ш. А. Богина